

Военные очерки А. Н. Толстого 1914 года в оценке русской критики¹

Г. Н. Воронцова

Тема Первой мировой войны занимала одну из ведущих позиций в творчестве Алексея Николаевича Толстого (1883–1945) с осени 1914 г. Став военным корреспондентом московской газеты «Русские ведомости», писатель побывал на фронте, на Волыни и в Галиции. Его корреспонденции из зоны боевых действий под названием «Письма с пути» регулярно печатались на страницах издания. В 1915 г. они составили отдельную книгу — «На войне», — ставшую шестым томом собрания сочинений Толстого. Книга не затерялась в потоке аналогичной беллетристики и сразу попала в поле зрения отечественной критики. Тексты писателя провоцировали авторов критических статей на собственные размышления о происходивших в стране событиях и их отражении в современной литературе. В критических откликах был представлен широкий спектр мнений о военной публицистической прозе Толстого. Кроме того, в них было предпринято осмысление особенностей изображения войны в произведениях других жанров.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, Первая мировая война, военные очерки, критические отклики

---

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А. Н. Толстого, Н. С. Гумилёва, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, И. Э. Бабея», <https://rscf.ru/project/23-28-01239/>.

Russian Critical Responses to A. N. Tolstoy's 1914 Military Essays

Galina N. Vorontsova

The theme of the First World War claimed a leading position in the works of Alexei Nikolaevich Tolstoy (1883–1945) over a period beginning in the autumn of 1914. Becoming a war correspondent for the Moscow newspaper *Russkie vedomosti* (*Russian Bulletin*), the writer visited the front, Volhynia and Galicia. His war correspondence appeared regularly in the publication under the title “Letters from the Way”. In 1915 this writing was compiled into a separate book — *At War* — which became the sixth volume of Tolstoy's collected works. The book was not lost in the flow of similar fiction and immediately came to the attention of critics in Russia. The writer's texts provoked the authors of critical articles to engage in their own contemplation of the events taking place in the country and these events' reflection in modern literature. Critical responses featured a wide range of opinions regarding Tolstoy's military journalism. In addition, these responses attempted to assess war's depiction in works in other genres.

Keywords: A. N. Tolstoy, First World War, military essays, critical responses

Тема Первой мировой войны занимала одну из ведущих позиций в творчестве Алексея Николаевича Толстого (1883–1945) с осени 1914 г. Много позже М. А. Адданов в очерке о Толстом писал: «В грозном 1914 году началось тяжёлое испытание для всех европейских писателей <...>. Русское искусство — в лице наиболее известных своих представителей, как Короленко, Горький, Бунин, — отвернулось от этой темы <...>. Один А. Н. Толстой составил счастливое исключение. Огромная трагедия захватила его художественную натуру» [9, с. 127].

Уже осенью 1914 г., став военным корреспондентом московской газеты «Русские ведомости», писатель побывал на фронте, на Волыни и в Галиции. Его корреспонденции из зоны боевых действий под названием «Письма с пути» регулярно печатались на страницах издания. В 1915 г. они составили отдельную книгу — «На войне», — ставшую шестым томом собрания сочинений Толстого, которое выходило в это время в Книгоиздательстве писателей в Москве.

Посвящая её балерине Большого театра М. В. Кандауровой, автор с подчёркнутой пафосностью, за которой не укрылся, однако, масштаб развернувшихся событий, писал: «Маргарита, с глубоким чувством приношу Вам эту небольшую книгу, в ней собрана большая часть того, что я видел за две поездки на места войны. Я видел разрушенные города и деревни, поля, изрытые траншеями, покрытые маленькими крестами, крестьян, молчаливо копавшихся в остатках пожарища или идущих за плугом, посматривая — далеко ли ещё от него разрываются снаряды, и женщин, которые протягивают руку на перекрёстке дорог, я видел сторожевые посты на перевалах Карпат и огромные битвы по берегам Сана, я слушал, как вылетают из ночной темноты гранаты, я смотрел на наши войска в тылу и на месте работы» [8, с. 5].

Книга Толстого «На войне» не затерялась в потоке аналогичной беллетристики и сразу попала в поле зрения отечественной критики. Тексты писателя провоцировали авторов критических статей на собственные размышления о происходивших в стране событиях и их отражении в современной литературе, став таким образом своего рода точкой отсчёта разговора о войне, постепенно приобретающей характер мирового бедствия.

Одним из первых откликнулся на книгу Толстого, вышедшую в 1915 г., Николай Петрович Ашешов (1866–1923), помнивший автора ещё подростком. В

1893–1894 гг. Ашешов редактировал «Самарскую газету». В его доме в Самаре часто бывала одна из авторов издания Александра Леонтьевна Толстая с 12-летним сыном Алексеем, будущим писателем.

В размещённой в газете «Современное слово» рецензии, справедливо отмечая, что «война, в сущности, только началась», «только-только обрисовываются контуры тех её влияний, какими она преобразует нашу жизнь», Ашешов оценивал книгу Толстого как «одно из произведений, в котором современная война отразилась в минутных впечатлениях художника-корреспондента». Однако «беглость книги и поверхностность её» он предлагал «считать лишь простыми недостатками», которые «искупаются искренностью художника, красивой простотой его отношения к жизни и полным отсутствием какого-либо национального бахвальства, несмотря на восторженные отзывы его о солдатской доблести» [7]².

По мнению критика «основным вопросом» очерков писателя стал «вопрос о смерти и о человеке, не воине, а именно о человеке, дерущемся на фронте». Он также согласился, вслед Толстому, с верностью сравнения полей сражений в его очерках с театром: «Гр<аф> Толстой уловил хорошее, — в этом сказалось чутье художника, — сравнение. Смерть для нас — последняя угроза нашему бытию. Под её знаком мы становимся или религиозными, или работаем для грядущих поколений, или прожигаем жизнь. Трагедию смерти, конца, мы переживаем только в театре. Война даёт это ощущение трагизма каждому наяву <...>. Вот почему, — несколько

---

² Сходным образом писал Ашешов о военной публицистике писателя и в другой своей статье: «В нём нет шовинизма и опьянения жутко-сладким вином войны. Нет развязности и бахвальства всезнаек, пишущих о войне за десятки вёрст от неё. Нет националистической слащавости и приторности. Но ярко проявляется в нём одна черта — автор ищет того нового, что приносит с собой война Руси» [2, с. 342].

смело, но красиво заключает автор, — поля сражений верно названы “театром” военных действий» [7].

На то же сравнение в очерках Толстого, усомнившись в его правомерности, обратил внимание Владимир Павлович Кранихфельд (1865–1918) в статье «Художественная летопись войны», опубликованной в газете «Киевская мысль». Он писал: «В другом месте гр<аф> Толстой, сам поражаясь “невероятной пропастью между здесь и там”, пытается перескочить через пропасть при помощи игры слов. Он проводит именно параллель между театром, как зданием, где даются трагические представления, с одной стороны, и между театром военных действий, — с другой <...>. Но он сам портит это сопоставление, делая из него совершенно неожиданный и ни с какой стороны не вытекающий вывод. В этом сопоставлении именно он нашёл причину спокойного мужества, с каким дерутся “русские войска” <...>. Но почему именно для наших, а не вообще для войск всего мира делается определённый вывод из сопоставления трагического театра (не русского, а вообще театра) с театром военных действий (опять-таки не русских специально, а вообще военных действий)» [5]³.

К достоинствам очерков Толстого Кранихфельд относил прежде всего «мудрую воздержанность» писателя «по части умствований»: «...он <Толстой> просто и бесхитростно излагает свои впечатления от поездок на места войны <...> в книге гр<афа> Толстого каждая встреченная им фигура зарисована немногими, но отчётливыми, выпуклыми штрихами. То же самое можно повторить и о рассказанных им эпизодах, о виденных или слышанных, часто “почти фантастических” обрывках военной жизни. Но все, даже “почти фантастическое”, под пером автора принимает характер достовер-

---

³ Забегая вперёд, скажем, что «слишком изысканной» назвал параллель между трагическим театром и театром военных действий А. А. Гвоздев [3, с.88].

ности, потому что он умеет показать и психологические основания кажущейся фантастики» [5].

В то же время один из пассажей статьи Толстого «Отечество», открывавшей книгу, вызвал у критика буквально бурю негодования. Кранихфельд писал: «...автор <в статье> пустился в чуждую ему область, политических, философских и всяких иных умствований и, как водится, наговорил множество, выражаясь деликатно, наивностей. Не только за себя лично, но и за всех нас <...>. Толстой утверждает, что до войны “мы даже не знали — любим ли мы нашу страну, или так — проживаем в ней только”. Что только война дала нам счастье узнать, что у нас “есть отечество, Россия, родина”⁴ <...> смею уверить его, что и задолго до войны “мы все” были не так уж равнодушны к судьбам нашей родины, как это ему представляется теперь. История нашей литературы, история наших общественных движений являет собою непрерывную цепь доказательств того, как глубоко, как самоотверженно “мы все” умели любить нашу родину; с какой неутомимой энергией и заботой насаждали “мы все” на обширной равнине нашей родины ростки культуры» [5].

Весьма скептически оценивал военные очерки Толстого Алексей Александрович Гвоздев (1887–1939), ведущий раздела «Литературная летопись» в журнале «Северные записки». Остановившись на задачах каждого пишущего о войне, таких как необходимость выявить психологию народа, несущего бремя войны, выяснить стихийную психику столкнувшихся в бою масс, откликнуться на новые противоречия в интеллигентском сознании и создать батальную живопись войны XX века, он констатировал: «...задача не выполнена автором <Т. е. Толстым>, народ и большие жертвы не выдвинуты на

---

⁴ См.: статья Толстого «Отечество»: «...никто из нас, я думаю, не уяснил достаточно своего отношения к России; мы даже не знали — любим ли мы нашу страну? Или так — проживаем в ней только» [8, с. 8].

первый план, а очерчены как-то вскользь, “проездом” то от Москвы до Томашева и Ярославля, то от Львова до Карпат. Чаще всего мы наблюдаем самого автора, путешествующего с большим или меньшим комфортом вслед за войною и около неё. В качестве странствующего без особых деловых целей писателя, гр<аф> Алексей Н<иколаевич> Толстой сумел во всех своих поездках по стопам войны, сохранить душевное равнодушие постороннего наблюдателя, обеспокоенного только одним желанием — запечатлеть в памяти с наибольшей чёткостью все виденное и слышанное. Нельзя отрицать, что в путевых заметках гр<афа> А. Н. Толстого немало живописных этюдов, начертанных уверенно и мастерски.

Но даже там, где гр<афу> А. Н. Толстому удалось резкими мазками воссоздать целостную картину разорения, чувствуется, что нарисована лишь узорчатая рамка, в которой нет самого главного - нет действующего лица, будь то коллективная или индивидуальная воля» [3, с. 86].

«В целом, - заключал критик, - сборник гр<афа> А. Н. Толстого представляет собой нечто вроде записной книжки писателя. Чувствуется, что автор чего-то ищет и добивается, что он пытается осознать новые “военные” впечатления, и пробует свои силы, зарисовывая непривычные для глаза батальные картины» [3, с. 88–89].

Сергей Александрович Адрианов (1871–1942), заведовавший отделом критики в журнале «Вестник Европы», напротив, считал, что Толстой принадлежал «к числу писателей, ярко переживающих современность и явно преображающихся под её необычайными откровениями», а его последняя книжка, «сборник беспритязательных корреспонденций с театра военных действий, поражает единством и чёткостью настроения, которым проникнуты все эти отрывочные рассказы о попадающих на пути пейзажах, хатах, поездах, офицерах, солдатах» [1, с. 334]. Критик отмечал: «Боевых картин

почти нет в книге, автор как будто избегает останавливаться на них, но всякий факт, всякая мелочь приобретают для него особую полноценность. Всё зажило в глазах вчера ещё растерянного наблюдателя единой, осмысленной жизнью, во всём раскрывается его сердцу неведомая ранее тайна, которой автор не может ещё сказать во всей её многозначительности, но которой он весь ещё исполнен с трепетом пробуждающейся силы, и его трепет невольно передаётся читателю» [1, с. 335].

По мнению Адрианова «подъём, переживаемый, наряду со многими миллионами, графом А.Н. Толстым, даёт реальной жизни и духу человеческому одностороннее освещение, но в самой этой односторонности, — считал критик, — лежит залог грядущей полноты понимания» [1, с. 336]. Он писал: «Ведь вчера большинство из нас тоже было во власти односторонности, только противоположной. Рефлектор нашего внимания был до такой степени сосредоточен на отрицательных явлениях общественных и индивидуальных, на малодушии, эгоизме, пошлости и распаде, что многие склонны были забывать или даже прямо отрицать реальность героического и творческого, благородного и самоотверженного» [1, с. 336].

Вслед за Андриановым журналист и литературный критик Елена Александровна Колтоновская (1870–1952) в «Русской мысли» также отмечала, что Толстого «поразило внезапное преобразование огромной России — всей, сверху донизу, полный сказочный переворот в психике как народа, так и интеллигенции», тем более, что «те же чувства, в гораздо большей степени, даже со специфическим славянофильским оттенком», безраздельно владела самим писателем [4, с. 139].

«Грядущий путь России, — писала она, — может быть, и не так гладок, как это рисуется А<лексею> Толстому. Но ведь в суждении русского человека о себе всегда нет чувства меры: или недосол, или пересол...

Современный же момент — исключительное по цельности, захватившее всех чувство любви ко всему своему и вера в будущее — передан у автора верно <...>. Через всю книжку А<лексея> Толстого яркой нитью проходит одно и то же чувство — преклонение перед армией, перед простым русским человеком, которого он впервые, в дни войны, узнал и оценил <...>. Давно ли у нас смотрели на этого солдата — русского мужика — глазами Бунина и видели в нём убогое, забитое, вырождающееся существо (“низкорослое” и “коротконогое”), а сейчас почувствовали в нём сказочного богатыря...» [4, с. 140].

Вместе с тем Колтоновская оговаривалась: «Корреспонденции — не литература, но в них — путь к литературе. Окунувшись в стихию войны, пострадавши в ней вместе со всеми тружениками и героями, писателю легче найти настоящие нужные слова о войне. Это можно видеть на примере А<лексея> Толстого. Его корреспонденции, хоть и говорят о живом и серьёзном интересе к предмету, довольно бледны и вялы; они ниже его таланта, в них много лишнего и недостаёт чего-то очень важного, большого⁵. Всё время чувствуется, что он тщетно старается нащупать и выразить то самое важное, что поразило его на войне» [4, 141].

С большим вниманием к достоинствам военных очерков Толстого отнёсся М. Курдюмов⁶, автор статьи

---

⁵ В той же статье Колтоновская высоко оценила рассказ Толстого на военную тему «На горе» (1915): Сюжет рассказа, духовное возрождение интеллигента через войну, не может не быть автору особенно близким, ибо А. Толстой принадлежит к тому писательскому поколению, которое особенно страдало от затхлости, искусственности, “умственности” и рвалось к “живой жизни”. В рассказе удачно передана не только общая бодрящая, оживляющая сила войны, оживляющая иррациональное в человеке, а её особенная героическая душа, заставляющая умолкнуть все мелкие будничные чувства и заговорить настоящие — большие» [4, с. 141].

⁶ Возможно, Михаил Григорьевич Курдюмов (1869–1924), выпускник славяно-русского отделения Варшавского университета. В 1915 г. —

«Литературные впечатления» в газете «Новое время», который писал: «Толстой рисует больше всего *будни войны*, походную жизнь и военный быт со всеми его мелочами, и в отдельных штрихах всюду проглядывает *наше, особенное, русское*. В смешном и серьёзном даёт он чувствовать читателю те самые свойства народа, которые, с одной стороны, вызывают у него и беспорядочность, и неряшливость, и кажущуюся бестолковость, а с другой — делают его крепким, сильным непобедимостью своего кроткого и могучего духа» [6]. Критик подчёркивал: «...очерки Толстого ничего общего не имеют с нарочито-военной, тенденциозной, изготовляемой “глядя по сезону” литературой» [6].

Таким образом, в критических откликах на военные очерки А. Н. Толстого 1914 г. был представлен широкий спектр мнений, порой прямо противоположных, о военной публицистической прозе писателя. Кроме того, в них было предпринято осмысление особенностей изображения войны и в других жанрах современной литературы.

Литература

1. Адрианов С.А. Критические наброски // Вестник Европы. 1915. № 4. С. 328–338.
2. Ал. О. [Ашешов Н.П.]. Гр. Алексей Толстой. На войне // Современный мир. 1915. № 2. С. 341–343.
3. Гвоздев А.А. Литературная летопись // Северные записки. 1915. № 3. С. 85–90.
4. Колтоновская Е.А. Вокруг войны. Писатели о войне // Русская мысль. 1915. № 4. С. 135–146.
5. Кранихфельд В.П. Художественная летопись войны // Киевская мысль. 1915. 17 февраля. С. 2.
6. Курдюмов М. Литературные впечатления // Новое время. 1916. 16 января. С. 10.

сотрудник Археографической комиссии в Петрограде, один из редакторов Русского биографического словаря (1896–1918).

7. Ожигов Ал. [Ашешов Н.П.]. Литературные мотивы. Война и художественная литература. — Отражение жизни. — Самопознание. — Простота. — Смерть. — «На войне» графа Алексея Н. Толстого // Современное слово. 1915. 23 января. С. 2.

8. Толстой А.Н. Сочинения: в 10 т. Т. 6. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 171 с.

9. Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж: YMCA-PRESS, 1983. 422 с.